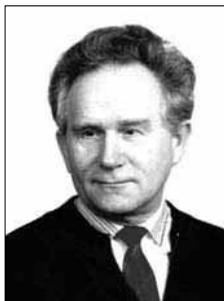

ПОЛЬША — ФАКТЫ И МИФЫ О НЕГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Алла Василюк,
доцент Нежинского
государственного
педагогического
университета
им. Николая Гоголя,
кандидат
педагогических
наук

Константин Корсак,
Институт высшего
образования АПН
Украины

Каждое серьёзное дело — а появление в Польше частного сектора образования, состоящего из более чем 600 школ разных уровней и 230 вузов, именно таким и является, — не может не сопровождаться предубеждениями, ложными представлениями, слухами и даже мифами. Обобщённое изложение «польской мифологии» в этой сфере, надеемся, будет интересным нашим читателям, ведь есть много общего в судьбах негосударственных учебных заведений на всём экс-социалистическом пространстве.

ФАКТЫ О НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗАХ

Весной 2002 года в Польше было 230 высших учебных заведений, на которые из государственного бюджета не было израсходовано ни одного злотого. Это довольно большие учебные заведения, поскольку в них обучались 510 000 студентов — свыше 2200 лиц в каждом.

Поражают показатели приёма на первый курс польских негосударственных высших школ в 2001/02 учебном году — свыше 180 000 чел. Это очень много, если сравнить с показателями приёма в аналогичные негосударственные учебные заведения в других странах Восточной Европы. Например, приём в польские частные вузы в 5–6 раз превышает украинские показатели, хотя население Польши меньше.

Не будем приводить все доступные количественные данные о секторе частного высшего образования в Польше, но отметим наиболее интересные. Например, статистические данные свидетельствуют, что частные образовательные учреждения каждый день проводят три научные конференции, одна из которых — международная. Из 230 частных заведений 2 имеют право готовить даже докторов наук, 68 — магистров, а подавляющее большинство вузов предлагают программы продолжительностью три года, после выполнения которых выпускникам присуждается диплом «лиценциата». В международной шкале он располагается немного ниже диплома бакалавра, но в будущем может повысить свой рейтинг. Это случится, когда Западная Европа перейдёт от нынешних 4-летних бакалаврских программ на 3-летние (что и предусматривает так называемый «болонский процесс» унификации и интеграции систем высшего образования большинства развитых стран, начатый в 1999 году и рассчитанный на 10 лет).

Завершая короткий рассказ о секторе частных высших школ Польши, сделаем одно дополнительное замечание — подавляющее большинство преподавательского персонала в них составляют работники государственных учебных заведений. Значительная часть этих преподавателей фактически выполняет двойную нагрузку. Очевидно, что это весьма

выгодно для них в финансовом плане, но отрицательно сказывается как на здоровье доцентов и профессоров, так и на качестве учебного процесса.

Мифы о негосударственных средних учебных заведениях

Мифов очень много, поэтому польским научным работникам приходится начинать их анализ с классификации. Решили поделить мифы на две группы — «старые» и «новые». «Старые» датируются концом 1980-х годов, когда общественность требовала от правительства разрешения на свободную

образовательную деятельность, на право создавать учебно-воспитательные учреждения негосударственной формы собственности, а «новые» возникли и распространились гораздо позже — в 1990-х годах.

Ключевым моментом в «противостоянии» членов правительства и представителей демократической общественности стали переговоры «круглого стола», состоявшиеся в начале 1989 года. По этой причине авторы подавляющего большинства публикаций, в которых упоминается момент

рождения «свободного» сектора образования, считают, что всё началось именно тогда. На самом же деле этому событию предшествовала регистрация в декабре 1988 года необычной для социалистической и народной Польши организации «Общественное образовательное товарищество» (Spoleczne Towarzystwo Osviatowe), ставшей союзом тех, кто уже начал создавать независимые учебные заведения школьного уровня. Общественное образовательное товарищество — результат активных действий сравнительно немногочисленной группы «настырных», которые преодолели немало препятствий для его официальной регистрации.

Второй из «старых» мифов — утверждение, что созданные Общественным

образовательным товариществом заведения были «первыми частными школами в Польше». Это ошибочное утверждение, потому что в течение всего времени существования Польской Народной Республики в ней официально действовали религиозные школы (в подавляющем большинстве — католические), а Люблинский католический университет был единственным на весь «социалистический лагерь» негосударственным учебным заведением столь высокого уровня. По этой причине образованные упомянутым Товариществом и зарегистрированные в 1989 году 11 «общественных» школ следует считать первыми нетеологическими частными школами послевоенной Польши.

Последний из «старых» мифов сложно отнести к категории «настоящих», так как речь идёт не об ошибке, неточности или заблуждении, а об обдуманном результате «мозгового штурма» польских образовательных диссидентов. Из всех возможных названий для обозначения новообразованных школ они избрали слово «общественные» (хотя по форме собственности они были, конечно, частными).

Объяснений этому очень много. В Польше, во второй половине 1980-х годов, понятие «частный» неразрывно связывалось с мелкой торговлей и индивидуальными услугами. Товары, которыми торговали около стадионов и вокзалов, далеко не всегда имели легальное происхождение. Как и в Украине 1990-х годов, польский частный бизнес второй половины 1980-х имел «мафиозный оттенок». Применение в названии независимых школ вместо слова «частные» термина «общественные» было эмоционально благоприятным, делало школы в глазах граждан гораздо более «чистыми и свободными».

Но это ещё не всё — новое название включало в себя множество других явных и скрытых положительных характеристик и контекстов.

Первый из них — «диссидентский». Поскольку раньше существовали фактически лишь государственные школы, то появление «общественных» мгновенно превра-

шало в глазах поляков все государственные школы в «антиобщественные» — чрезмерно идеологизированные, зажатые в тиски рекомендованных правительством норм и правил, контролируемые инспекцией и многими другими государственными агентствами. Название «общественная школа» недвусмысленно подчёркивало, что речь идёт о проявлении воли и желания граждан, которые всю жизнь мечтали о свободных образовательных услугах. Школа с «общественным» названием просто не могла выглядеть в глазах публики чужой — она ведь именно «её» школа, созданная и поддержанная «обществом»! Ну, а плата за обучение в таких школах выглядела почти добровольными пожертвованиями на развитие «общественного» и независимого образования со стороны граждан, небезразличных к развитию новых форм и методов обучения.

Эти и подобные им невысказанные ожидания, связанные с названием «общественные школы», и стали ещё одним мифом. Ведь на самом деле новые школы имели конкретного собственника, который далеко не всегда был стопроцентным альтруистом, получающим свои главные прибыли из торговли или другого «необразовательного» занятия. Общественные школы стали центрами специфических услуг, где персонал зарабатывал на жизнь, а клиенты (родители детей) платили за услуги деньги и надеялись на получение качественного «товара» (знаний у своих отпрысков).

В конце концов понятие «общественные» так и не стало юридическим термином, который входил бы в разнообразные документы. Ныне в Польше существуют государственные школы (publiczne), негосударственные школы (niepubliczne), а также такие негосударственные, которые имеют полномочия государственных и выполняют закон об образовании, получив право присуждать аттестаты (maturę) государственного образца.

Основой и питательной средой для семи «новых» стали описанные нами выше три «старых» мифа. В Польше довольно

снисходительно относятся к старым мифам, считая их в чём-то похожими на сказания чуть ли не былинных времён. Суждения научных работников по поводу «новых» мифов более критичны, поскольку они вредят объективной оценке деятельности всего негосударственного сектора среднего образования.

«Новые» мифы, как правило, существуют сразу в двух версиях — эйфорически-позитивной и критически-отрицательной. Очевидно, что авторами первой являются пылкие приверженцы «свободного и современного образования», второй — «ретрограды», консерваторы и критически настроенные лица.

Миф первый.

Создать частную школу легко / Нет! Это работа для титанов...

Приблизительно так можно сформировать две версии первого из «новых» мифов. Начало движения частных школ пришлось на период, когда в условиях многолетней политической конфронтации заявляла о себе весьма многочисленная группа родителей, не желавшая отдавать ребёнка в лапы «красных». Именно поэтому им очень хотелось создать новые школы для собственных детей. И создавали. Заявления о новых школах подавали пенсионеры, недавние выпускники высших учебных заведений разного профиля, совсем посторонние к образованию и педагогике лица, экс-политики и экс-начальники — все, кроме научных работников (в первую очередь — педагогов).

Дело выглядело до смешного просто — найти помещение и организовать группку преподавателей «правильного языка, литературы и истории». После этого первого шага проблем не было совсем — предрасположенных заплатить за уроки по «правильному языку, литературе и истории» было вполне достаточно...

«Эйфористы»-основатели и не пытались заглянуть за горизонт 12-месячного срока действия лицензии. Они были убеж-

Чья гуманизация гуманнее?

Опыт сопоставления реформы образования в России и Польше

Хурло Люцина,

кандидат педагогических наук, Польша,
г. Ольштын

Для реформы образования в Польше характерны тенденции, общие для переходного периода всех пост-социалистических стран. Практически все концепции, направления, авторские школы, программы нацелены в Польше на реализацию принципа гуманизации образования. Но в понимании целей гуманизации, по мнению автора, польские стратегии образования выступают с более прагматических позиций, чем их российские коллеги.

Какую же доктрину изменений следует принять в образовании, чтобы удовлетворить новые запросы общества? Выбор осуществляется между адаптационной, критической и критически-креативной доктринами образования. «Первая из них основывается на отражении социально-экономической модели страны, способствует укреплению существующих организаций общественной жизни, помогает сохранению господствующей в данной стране модели политической жизни. Образование становится важным фактором в процессе освоения окружающей действительности и формирования убеждённости в её действительных или вымышленных ценностях. Адаптационная доктрина определяла функции образования как служебные по отношению к государству, пренебрегая функциями образования по отношению к обществу» (Т. Левовицки).

Критическая доктрина побуждает к инновациям, креативности, изменениям в окружающем мире. «Принятие такой доктрины делает образование фактором улучшения жизни людей, способствует определению и выбору желаемых изменений и путей их реализации. Эта модель образования служит, в первую очередь, не государственным механизмам и укреплению существующих социальных институтов, а непосредственно гражданам, людям, совместно создающим общество. В такой системе образования находят соответствующее место потребности и желания участников образовательных процессов, адекватное внимание уделяется вопросам реализации совместного видения целей и содержания образования, а также субъектности всех активных участников образовательно-просветительных процессов. Субъектность является важным критерием этой образовательной доктрины, существенной особенностью модели общественной жизни» (Т. Левовицки).

денны, что за это время найдут тех или иных спонсоров, а дальше дела пойдут сами собой. По прошествии времени от множества новых школ сохранилась лишь часть. Трудности в деле организации и обеспечения деятельности новых заведений оказались большими, и их преодолели, очевидно, не все.

Критики-пессимисты считали создание новых школ практически невозможным, поскольку не было необходимых стартовых капиталов. С расчётом на «непредвиденные обстоятельства» выходила и в самом деле круглая сумма, такая, что основание школы выглядело нереальным.

Ну а в реальной жизни новые учебные заведения вначале функционировали на основе энтузиазма группы заинтересованных делом преподавателей и лишь потом, если везло, обретали более устойчивое состояние, далеко не всегда совпадающее со стартовыми ожиданиями.

Миф второй. Обществу необходимы новые школы / Они ему не нужны

Приверженцы частных заведений пропагандировали их как объект ожидания всего общества, разочарованного результатами деятельности государственных учебно-воспитательных заведений. В первые годы существования частных школ такой взгляд на проблему был довольно распространённым, и собственники школ надеялись, что так будет всегда.

Но этого не произошло.

В действительности параллельно с возрастанием количества новых школ и продолжительностью их деятельности возростала и критика, множились недовольные. Первыми оказались завистники, которых предостаточно везде. Они были недовольны тем, что не решились стать основателями школ или не смогли сориентироваться и присоединиться к новаторам на начальной стадии. Активность завистников оказалась прямо пропорциональной тому, насколько успешно работали новые школы. Мишенью создаваемых ими сплетен были, конечно же, руководители новых школ, которые заслуженно пользовались повышенным вниманием печати и органов местного самоуправления.

Большей была численность скептиков, в особенности среди педагогов. Ещё из социалистических времён они сохранили убеждение о необходимости «равенства», но вот беда — воспринимали его как полную «одинаковость». Скептики социалистического пошиба не поддерживали инноваторов, а заодно и всех прочих, которые делали или старались делать что-то не так, как все.

Итак, частным заведениям приходится развиваться в не очень комфортных условиях. Их поддерживает не «всё общество», а лишь заинтересованная в новых школах его часть.

Миф третий.

Все стремятся к новым знаниям / Стремления к знаниям в обществе нет

Творцы новых школ были убеждены, что они создают «всё новое» — образование, психологию, педагогику, методологии, содержание, цели, задачи и т.д.

Вот только родители детей представляли новую школу намного проще и примитивнее. Они хотели лёгкого, интересного, приятного и результативного обучения. Чтобы дети не мучились и не напрягались, но знали всё. Чтобы после школы без проблем поступали в университеты и успешно учились в них. Они считали, что для пользы детей необходимо ввести в обучение много-много уроков английского, чуть меньше — информатики. И всё это только в утреннюю смену и в классах с 10–15 учениками. А вот всякие там «гуманистические мирозерцания» и «многосторонние развития личности» — это уже только вне тех уроков, которые оплачивают родители. Да и то при условии, что сами дети не против таких дополнительных занятий.

Итак, основатели новых школ мечтали о высоких-высоких философских и гуманистических материях, а родители ожидали продолжительных репетиторских курсов для подготовки в университет.

Поэтому утверждение о неукротимом общественном стремлении к новым знаниям — это миф, а не факт реальной действительности. Как указал один из создателей новых школ: «Имеются лишь единичные признаки голода на знания. Подобная потребность в условиях засилья общества потребления граничит с маниакальностью...»

Но это, по нашему мнению, уж слишком реалистичная и скептическая точка зрения. На самом деле каждый человек сложнее однолинейной модели. Он по чётным числам поддаётся жажде потребления, а по нечётным — жажде знаний. Именно поэтому в Польше растёт количество студентов в негосударственных и государственных высших школах, а сектор частного среднего образования не проявляет признаков, указывающих на сокращение. Поляки не против «потреблять», но не забывают, что сначала нужно получить образование.

Миф четвёртый.

Учат прекрасно / В частных школах вообще не учат

Учат ли «прекрасно» или чуть хуже — вопрос спорный. Согласие достигнуто лишь в одном: в государственные школы собирают по три-четыре тысячи учеников (в целом) и до 60 в одном классе, а в частных заведениях в классах редко бывает более 15 учеников.

Критически-креативная доктрина образования основывается на демократическом общественном устройстве, высвобождении и развитии потенциальных способностей личности. «В различных формах она проявляется в концепциях воспитания, которое концентрируется на создании условий нестеснённого развития личности, учёта индивидуальных потребностей и стремлений, предложении достойных всеобщего распространения различных интерпретаций систем ценностей. Эта доктрина вмещает в себя теоретические идеи и практические образцы их внедрения в различных направлениях педагогики – критической педагогике, педагогике диалога, педагогике «высвобождения», антипедагогике, ряде направлений гуманистической педагогики» (Т. Левовицки).

Которую из выше охарактеризованных доктрин следует избрать в качестве приоритетной? Большинство польских педагогов склоняются к мысли, что в качестве наиболее эффективной доктрины образования следует признать **критически-креативную**, так как она нацелена на формирование свободного человека, ограниченно зависимо от внешних факторов, предприимчивого, инициативного, являющегося полноценным субъектом своей жизни и деятельности. Признание критически-креативной доктрины в качестве наиболее отвечающей целям и потребностям современного общества можно считать итогом многолетней педагогической дискуссии.

В польской педагогической среде убеждены и в необходимости реализации во всех учебных заведениях принципа гуманистически-ориентированного образования. Представления о сущности процесса гуманизации у польских педагогов совпадают с его видением в системе европейского образования. Но уровень теоретического осмысления и обобщения всех его составляющих не высок. Если в России гуманизация признана в качестве важнейшего принципа развития российского образования на уровне постановлений Министерства образования и образовательных стандартов, а глубокое осмысление её содержания можно найти в работах ведущих педагогов, то в Польше столь основательное теоретическое осмысление процессов гуманизации на сегодняшний день отсутствует. О гуманизации говорится в основном на уровне деклараций или в связи с другими проблемами образовательной реформы.

По мнению польских учёных Б. Суходольского и И. Войнар, целями гуманизации образования должны стать:

- помощь в понимании современной цивилизации;
- обучение совместной деятельности, направленное на формирование нового социально-экономического порядка;
- обучение ведению диалога в духе толерантности с целью защиты и улучшения окружающей среды

и внутреннего возрождения человека, затерявшегося в современном хаосе.

Сопоставим цели, выдвинутые Б. Суходольским и И. Войнар, с целевыми установками, предложенными российским педагогом А.В. Петровским.

Он выделяет следующие принципы гуманизации процесса обучения:

- познание ребёнком себя как человека;
- совпадение интересов ребёнка с общечеловеческими интересами;
- недопустимость использования в педагогическом процессе средств, способных спровоцировать ребёнка на антисоциальные проявления;
- предоставление ребёнку в педагогическом процессе необходимого общественного пространства для наилучшего проявления своей индивидуальности;
- «человечивание» обстоятельств в педагогическом процессе;
- определение качеств формирующейся личности ребёнка, его образованности и развития в зависимости от качества самого педагогического процесса.

На мой взгляд, в трактовке целей гуманизации образования польскими педагогами присутствует диктат общества над человеком, что характерно для традиционных моделей образования. Их установки нацеливают человека на построение демократического общества, но не на развитие личности самого человека. Подобное определение целей не отражает сущности процесса гуманизации с характерным для него **поворотом к человеку**, к развитию гармоничной и творческой личности.

О гуманизации системы школьного образования можно говорить лишь в том случае, когда ученик становится автономным субъектом собственного развития и соучаствует в ответственности за результат формирования своей индивидуальности. При этом он сам заинтересован в работе над собственным образованием, комплексно развивается в интеллектуальной и эмоциональной сферах развития личности, усваивает социокультурные ценности образования, тесно связанные с жизнью и перспективами развития общества. В процессе образования ученик вправе принимать самостоятельные решения, осуществлять оценочные операции, открыто выражать собственные чувства и мысли, а также нести ответственность за собственные действия.

Ещё одно принципиальное отличие в интерпретациях принципа гуманизации образования — в том, что в Польше, в отличие от России, внедрение принципа гуманизации не связывается с усилением гуманитарных начал в образовании. Тенденция гуманизации не нашла в польской реформе ни педагогического, ни даже терминологических аналогов. Напротив, теоретические обоснования необходимости гуманистически-ориентированного образо-

Что касается оценки качества обучения, то тут единства нет. Для одних речь идёт о воспитании настоящего гражданина, а другие мечтают всего лишь о полном успехе на выпускном тестировании и на вступительных экзаменах в университет.

Для третьих «качественное» обучение — приятное и необременительное, для четвёртых — это трудная тренировка с большим количеством задач, сильно облегчающая преодоление чуть ли не любых жизненных трудностей после школы. Итак, каждая образовательная группа (если не каждый гражданин в отдельности) имеет собственное представление о том, что такое «хорошая частная школа».

Очевидно, что приверженцы частных образовательных учреждений переоценивают качество обучения, оппоненты — недооценивают. Миф жив и будет жить в дальнейшем.

Миф пятый. Частная школа — школа новаторская / Эти школы не имеют новизны

Много лет общественность социалистической Польши ждала образовательных реформ. Частные школы стали для людей «альтернативными» государственным и однозначно воспринимались как целиком новаторские.

Этот миф не стал реальностью по простой причине — никто из творцов новых школ не имел понятия о «новаторской школе будущего». Как правило, за образец бралась самая обычная западноевропейская школа. Целиком и во всех аспектах — от стандартов оснащения до организации учебного процесса и содержания предметов.

Именно поэтому в Польше, как и в Украине, в большинстве случаев эпопея частных учебно-воспитательных заведений стала внедрением «нормальных школ», а не попыткой создания уникально-авторских учебно-воспитательных заведений.

В Польше считают, что нет ничего странного в обращении к европейским нормам, поскольку в условиях существования социалистической школы первым стремлением новаторов могло быть только одно — возвращение образования в нормальное состояние.

Миф шестой.

Педагогическая наука поддержит движение частных школ

Это наиболее мифический из всех новых мифов.

Во-первых, так называемые «новаторы и революционеры» из среды педагогов-учёных 1980-х годов и не подумали использовать разрешение на регистрацию частных школ для проведения экспериментов по проверке собственных теорий. Из нескольких сотен основателей школ лишь один был педагогом-учёным (!).

Во-вторых, педагогическая наука в Польше до сих пор не обращает внимания на частные школы, продолжая двигаться по старым рельсам исследования дидактических и других проблем традиционной государственной образовательной системы. Исследованию частных школ посвящаются преимущественно дипломные работы студентов, в исключительных случаях — отдельные кандидатские диссертации. Большинство научных работников охотно продолжают писать о том, «как может быть». Они не желают рисковать своим реноме и проводить в новых школах реальные педагогические эксперименты. Поэтому движение частных школ существует само по себе, а педагогическая наука — сама по себе.

Миф седьмой.

Мы всё запросто решим и сделаем

Миф состоит в необоснованной надежде на то, что стремление учеников к упорному и результативному обучению будет возрастать с уменьшением количества учеников в классе, а также потому, что цель частной школы — «лучшее обучение и воспитание». Под давлением родителей, а также из-за лени учеников частные школы отказались от «лучшесть» обучения и прагматично сдвинулись в сторону его эффективности.

Главная же ошибка, как считают собственники частных школ, состояла в неоправданной педагогической толерантности — отсутствии любых попыток потребовать от учеников выполнения большого количества ученической работы, активного участия в учебном процессе. Именно поэтому усилия коллективов новых школ затрачиваются на изобретения каких-то новых и чудодейственных методов обучения, а не на поиск средств привлечения учеников к упорной и продолжительной работе.

и продолжительной работе.

Ни в коем случае нельзя считать, что школа — это прежде всего методы и лишь потом работа.

На самом деле — всё наоборот! **НО**

вания осуществляются в Польше в основном на базе применения экономических теорий.

С шестидесятих годов прошлого века исследования, касающиеся вопросов образования, находятся под влиянием «новой экономики». Что означает этот термин? «Новая экономика» определяет расходы на образование как **инвестиции в людей**, рассматривая их в качестве гарантий социально-экономического развития государств. Переломное значение для анализа связей между образованием и экономическим ростом имело появление теории человеческого капитала (human capital) и инвестиций в человека (human investment). Авторство данных теорий принадлежит Т.В. Шульцу и Г.С. Беккеру, которые доказали в своих работах окупаемость расходов на образование. Они установили, что, несмотря на постоянный рост расходов, инвестиции в человека намного более окупаемы, чем те, которые направляются на увеличение материального капитала.

Что составляет основу человеческого капитала? В качестве таковой выступают запас знаний, умений, здоровья и витальной энергии, существующей у данного народа. Прилагательное «человеческий» означает, что капитал всегда связан с конкретным лицом и **не может быть предметом рыночного оборота и изменять своего владельца**. Этот капитал увеличивается по мере инвестирования в человека. Рост качества человеческого капитала находится в прямой зависимости от процесса образования и разнообразных форм повышения квалификации. **Инвестирование в человеческий капитал — основное условие экономического роста и технического прогресса, а также вхождения в круг информационной цивилизации**. Этот тезис относится к наиболее существенным открытиям современной экономической мысли. В связи с этим условием правильного, успешного развития государств является рост инвестиций в человека, что обуславливает технический прогресс и обеспечивает их экономический рост.

Поворот образования к человеку связывается в Польше, вслед за западными экономико-образовательными концепциями, с чисто прагматическими основаниями — с необходимостью роста инвестиций в человека, что обуславливает очередные этапы технического прогресса и обеспечивает устойчивость тенденций экономического роста. На мой взгляд, польской образовательной системе не следовало бы слепо подражать исключительно западным образцам: опыт реформирующейся системы образования России будет ей чрезвычайно полезен. В эпоху безраздельного господства материальных ценностей личностно ориентированное образование должно проходить под знаком усиления его гуманитарного содержания.